

Третьяков И.Г.♦

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2025.80.127-135

УДК: 342(55)

Корпус Стражей Исламской Революции: правовой статус и влияние на государственную политику в Исламской Республике Иран

Аннотация: В статье анализируется правовой статус Корпуса Стражей Исламской Революции и его влияние на политику Ирана. Цель исследования — изучить юридические основания существования Корпуса, его роль во власти и механизмы воздействия на внутреннюю и внешнюю политику. Исследование основано на анализе конституционных и законодательных актов, структуры Корпуса и его экономической активности. Результаты показывают, что Корпус сочетает функции вооруженного формирования, экономического субъекта и политического актора. Прямое влияние проявляется через участие в стратегических решениях и контроль за институтами; косвенное — через экономическую деятельность и поддержку лояльных групп. Выводы подчеркивают, что комплексная роль Корпуса позволяет ему существенно влиять на принятие решений, а также формировать внутреннюю стабильность и внешнеполитическую стратегию страны. Дополнительно в статье рассматриваются причины признания КСИР террористической организацией рядом государств и последствия такого статуса для внешнеполитических и экономических связей Ирана.

Ключевые слова: политическая структура, военная организация, правовое регулирование, внутренние институты, экономическое влияние, народные силы, государственная политика, влияние на принятие решений, социальная лояльность, санкции, международная изоляция.

ВВЕДЕНИЕ

Корпус Стражей Исламской Революции (КСИР) является одной из ключевых составляющих политической и военной системы Исламской Республики Иран. Созданный в 1979 году после Исламской революции, КСИР выполняет задачи, связанные с защитой революционных достижений, внутренней безопасностью, экономической деятельностью и внешнеполитическим влиянием [1]. Особенность Корпуса заключается в сочетании военной структуры, правового статуса и экономических полномочий, что делает его уникальным объектом для изучения государственного управления и политики.

Актуальность исследования определяется тем, что КСИР оказывает значительное влияние на формирование внутренней и внешней политики Ирана, участвует в экономических проектах и контролирует определенные социальные и политические группы. Анализ правового статуса и институциональной роли Корпуса позволяет выявить механизмы его воздействия на государственные решения и оценить последствия для стабильности и функционирования политической системы [2]. Важно также обратиться к конституционному закреплению КСИР как независимой силы, подчиняющейся напрямую Верховному лидеру, что подчерки-

♦ Третьяков Иван Геннадьевич - Санкт-Петербургский государственный университет (Российская Федерация). E-mail: ivantretyak19@gmail.com

вадет его роль в сохранении идеалов революции и отличает от регулярных вооруженных сил [1; 19].

Особое внимание необходимо уделить международному восприятию КСИР: с 2019 года США официально признали его террористической организацией, а за ними последовали Израиль, Саудовская Аравия и ряд других государств, которые указывают на дестабилизирующую роль Корпуса в Сирии, Ираке, Йемене и Ливане [15; 17].

Цель исследования заключается в изучении правового статуса КСИР, его структурной организации, экономической активности и влияния на государственную политику. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- 1) рассмотреть исторические предпосылки создания и эволюцию Корпуса;
- 2) проанализировать юридические основания его деятельности и подчинение Верховному лидеру;
- 3) исследовать структуру и экономические механизмы Корпуса;
- 4) оценить влияние КСИР на внутреннюю и внешнюю политику Ирана.
- 5) выявить причины признания КСИР террористической организацией рядом государств и проанализировать последствия этого решения.

Методологическая основа работы включает анализ конституционных и законодательных актов, сравнительный анализ организационных структур и функций, изучение эмпирических данных о деятельности Корпуса и экономических проектах, а также анализ конкретных кейсов, иллюстрирующих участие КСИР в политической и экономической жизни страны [3].

Полученные результаты способствуют углубленному пониманию роли силовых и экономических институтов в политической системе Ирана, а также позволяют выработать рекомендации для дальнейших исследований влияния подобных организаций в условиях ограниченной прозрачности и высокой интеграции в государственные структуры. Применяется также компаративный метод: статус КСИР сопоставляется с аналогичными силовыми структурами в других странах, что позволяет выявить уникальные особенности иранской модели [8; 13].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Корпус Стражей Исламской Революции был создан в 1979 году на фоне политической нестабильности и угрозы для новой Исламской Республики со стороны внутренних и внешних противников. Первоначально он представлял собой революционную милицию, задачей которой была защита революции и её ценностей. Уже в первые годы существования КСИР проявил способность действовать автономно от традиционных военных структур, что позволило ему занять уникальное положение в политической системе [4].

Эволюция Корпуса происходила по мере необходимости закрепления его влияния в военной, политической и экономической сферах. Его участие в Ирано-иракской войне 1980–1988 годов укрепило его репутацию как эффективного боевого формирования, а также способствовало расширению контроля над военной и экономической инфраструктурой [5].

Правовой статус Корпуса регулируется как конституцией, так и специальными уставами, которые закрепляют его подчинение Верховному лидеру. Согласно статье 150 Конституции Исламской Республики Иран, КСИР призван «продолжать свою роль в охране Революции и ее достижений», что устанавливает его как постоянную структуру с конституционным мандатом на защиту идеологических основ режима, отличную от регулярной армии (Ар-

тезш), ориентированной на внешнюю оборону [1; 19]. Верховный лидер обладает исключительной властью над назначением, увольнением и принятием отставки главного командира КСИР, что подчеркивает его независимость от исполнительной и законодательной ветвей власти и обеспечивает прямую подотчетность только религиозному лидеру [1; 5].

Данная модель подчинения делает КСИР практически независимым от гражданских властей и парламентских органов, что вызывает критику со стороны исследователей как нарушение принципа разделения властей [6]. Особенностью правового статуса является наличие у Корпуса полномочий, выходящих за рамки обычных военных структур, включая ведение военных трибуналов и контроль над соблюдением идеологических норм, что позволяет Корпусу интегрироваться в судебно-правовую систему страны [7].

Кроме того, правовой статус КСИР включает параллельную структуру вооруженных сил, с собственными наземными, воздушными, морскими и киберподразделениями, что юридически закрепляет его автономию и позволяет обходить традиционные правовые ограничения, наложенные на регулярную армию [1; 18]. В 2009 году произошла значительная реорганизация, усилившая разведывательные полномочия Корпуса: его разведывательная организация была расширена за счет консолидации агентств, включая создание семи дивизионов (в т. ч. личного разведывательного офиса Хаменеи и киберзащитных команд), что де-юре усилило его роль в внутренней безопасности и контроле над диссидентами, делая КСИР доминирующей силой в иранской разведке [2; 19].

Подразделения Корпуса, включая народные силы, обладают специфическими полномочиями, включая ведение военных трибуналов и участие в контроле за соблюдением законов и норм, что формально наделяет их государственными функциями, но фактически создаёт риск злоупотребления властью [7].

КСИР имеет сложную структуру, включающую наземные войска, военно-космические силы, флот, подразделение внешних операций и народные силы. Цепочка командования строится вокруг Верховного лидера, который обладает высшей властью по назначению руководства Корпуса [8]. Несмотря на формальное подчинение, исследователи отмечают, что Корпус обладает значительной автономией в решении оперативных и экономических вопросов [9].

Для выявления уникальных особенностей иранской модели КСИР полезно применить компаративный метод, сопоставив его с аналогичными силовыми структурами в других странах. В качестве примера рассмотрим роль Вооруженных сил Турции (*Türk Silahlı Kuvvetleri*), которые исторически выступали в качестве политического арбитра, обеспечивая соблюдение принципов секуляризма, заложенных Мустафой Кемалем Ататюрком. В отличие от КСИР, подчиняющегося напрямую Верховному лидеру Ирана и сочетающего идеологическую защиту революции с экономической и внешнеполитической деятельностью [8; 13], турецкая армия на протяжении XX века неоднократно вмешивалась в политику посредством военных переворотов (1960, 1971, 1980 годов), позиционируя себя как стража конституционного порядка и предотвращая развитие исламистских тенденций во власти [8]. Однако, в отличие от автономии КСИР, влияние турецкой армии на политику в последние десятилетия сократилось под руководством президента Реджепа Тайипа Эрдогана, который усилил гражданский контроль над военными институтами, что привело к чисткам после попытки переворота 2016 года [13].

Это сравнение подчеркивает уникальность КСИР как параллельной структуры с расширенными полномочиями за пределами традиционной обороны, в то время как турецкая модель эволюционировала от активного политического вмешательства к большей подотчетности исполнительной власти, хотя и сохраняет региональное влияние в конфликтах, аналогичных иранским (например, в Сирии и Ираке) [8; 13]. Таким образом, Корпус представляет собой более интегрированную в идеологический аппарат организацию, что отличает иранскую систему от турецкой, где военные силы исторически балансировали между защитой государства и политической нейтральностью.

Корпус развил широкую экономическую сеть, включающую строительные, энергетические и финансовые предприятия. Наиболее известна строительная компания «Хатам аль-Анбия», получающая без тендеров крупные государственные заказы на строительство дорог, дамб, трубопроводов и метрополитена [10; 14]. Она реализовала проекты протяжённостью более 1000 км газопроводов и стала одним из крупнейших подрядчиков в нефтегазовой отрасли [10; 14]. Эти активы дают КСИР устойчивые финансовые потоки и инструменты политического влияния [11].

Деятельность таких структур, как крупный строительный холдинг, позволяет Корпусу напрямую участвовать в распределении государственных контрактов, что создаёт условия для монополизации экономики [10]. Экономическая активность одновременно является инструментом влияния на социальные и политические группы, обеспечивая лояльность и подконтрольность [11].

Внутреннее влияние Корпуса проявляется через участие в обеспечении безопасности, подавлении протестов и поддержании политических союзов. В 2009 году во время «зелёного движения» КСИР и его милиция «Басидж» применили массовые аресты и силу против протестующих [16]. В 2019 году протесты против повышения цен на топливо были подавлены с особой жестокостью: по данным правозащитников, погибло до 1500 человек [16]. По сообщениям СМИ, подразделения КСИР использовали бронетехнику и пулемёты, выполняя приказ Верховного лидера «жестко усмирить протестующих» [16]. Эти действия вызвали международную критику и новые санкции [17].

Кроме того, КСИР играет заметную роль в этнополитических конфликтах внутри страны [16]. Особенно остро стоит вопрос дискриминации и давления на азербайджанское меньшинство в Иране. Подразделения КСИР и «Басидж» активно участвуют в подавлении культурных и политических инициатив иранских азербайджанцев [16]. В ряде регионов фиксировались случаи арестов активистов, выступавших за сохранение национальной идентичности, а также ограничение деятельности общественных организаций [16]. Подобная политика усиливает напряжённость и используется властями как инструмент предотвращения консолидации этнических групп вокруг оппозиционных движений [17].

Угнетение азербайджанцев со стороны КСИР выражается также в экономической сфере: по сообщениям правозащитных организаций, в провинциях, большая часть населения которых составляют азербайджанцы, инвестируется меньше ресурсов, а инфраструктурные проекты чаще передаются компаниям, аффилированным с Корпусом [10; 14]. Это создаёт ощущение маргинализации среди населения и повышает уровень социальной нестабильности, которую сам КСИР использует как оправдание для своего присутствия и контроля [16].

Существенное влияние КСИР оказывает и на электоральные процессы в Иране [12; 17]. Хотя формально выборы остаются инструментом народного волеизъявления, на практике

КСИР активно вмешивается в избирательный процесс. Подразделения «Басидж» мобилизуют студентов и молодёжь для поддержки лояльных кандидатов [12]. Экономические ресурсы Корпуса используются для финансирования избирательных кампаний, а также для контроля за избирательными участками [17]. Это существенно снижает возможность оппозиции вести агитацию и участвовать в выборах на равных условиях [16].

В ряде случаев отмечалось прямое участие командиров КСИР в продвижении отдельных кандидатов, связанных с консервативным крылом и опорой на Верховного лидера [12; 19]. Таким образом, КСИР превращается не только в военную и экономическую силу, но и в политический аппарат, формирующий состав законодательных и исполнительных органов [17; 22]. Это подрывает прозрачность выборов и закрепляет доминирование религиозно-военной элиты в политической системе Ирана [17].

Внешняя политика формируется как через государственные каналы, так и через деятельность подразделения внешних операций, что позволяет оказывать влияние на региональные конфликты и поддерживать прокси-структуры [13].

Наиболее показательна роль подразделения «Аль-Кудс» в Сирии: оно занималось подготовкой боевиков, снабжением оружием и координацией операций на стороне Башара Асада [13; 15]. При поддержке КСИР действовали ливанская «Хезболла», афганские и пакистанские шиитские формирования [15]. Подобная активность наблюдалась и в Ираке, где КСИР поддерживал шиитские милиции против ИГИЛ [15], а также в Йемене, оказывая помощь движению «Ансар Аллах» (хуситы) [15; 17]. Эти операции сделали КСИР главным инструментом региональной политики Ирана [17].

Корпус Стражей Исламской Революции сочетает военные, экономические и политические функции, что затрудняет его контроль и прозрачность. Данный синтез функций создаёт потенциальные конфликты интересов и риски нарушения прав граждан, что является предметом критики как внутри страны, так и на международной арене [17].

Признание КСИР террористической организацией стало не только политическим, но и юридическим прецедентом [15; 17]. Впервые крупная государственная военная структура была официально включена в списки террористических организаций, что вызвало оживлённые дебаты в международном сообществе [17]. Противники этого решения указывали на риск подрыва дипломатических каналов взаимодействия с Ираном, а сторонники – на необходимость реагировать на дестабилизирующую роль КСИР в регионе [15]. В результате санкционные механизмы были расширены: ограничения коснулись как командиров, так и аффилированных компаний [17]. Это значительно осложнило работу иранских подрядчиков на внешних рынках и сделало участие КСИР в международных проектах практически невозможным [20].

Отдельные государства использовали признание КСИР террористической организацией как инструмент давления на Иран [15]. Например, Канада и ряд европейских стран включили в санкционные списки ключевых генералов, что ограничило их возможность перемещаться и вести переговоры [17].

Таким образом, статус террористической организации превратился в фактор политической изоляции Тегерана и одновременно усилил внутреннюю зависимость режима от КСИР, поскольку именно он стал главным гарантом безопасности и контроля над обществом [17; 20].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования было установлено, что Корпус Стражей Исламской Революции занимает уникальное место в политической, экономической и военной структуре Ирана. Его деятельность выходит за рамки традиционного военного формирования, охватывая экономические и политические сферы, что обеспечивает значительное влияние на принятие государственных решений [18].

Правовой статус Корпуса, закрепленный конституцией и специальными уставами, формально подчиняет его Верховному лидеру, однако на практике КСИР обладает высокой степенью автономии, что создает потенциал для конфликтов интересов и ограничивает подотчетность перед гражданскими институтами [19].

Конституционный мандат КСИР, включая статью 150 Конституции, подчеркивает его вечный статус как стража революции, с расширенными правовыми полномочиями в разведке и безопасности, что позволяет ему действовать за пределами обычных юридических рамок и доминировать над другими институтами [1; 19].

Экономическая активность Корпуса и участие в инфраструктурных проектах укрепляют его финансовую и политическую мощь, одновременно ограничивая возможности частного сектора и усиливая контроль над социальными и политическими группами [20]. Влияние КСИР на внутреннюю политику проявляется через обеспечение безопасности, поддержку лояльных политических акторов и подавление оппозиции, а на внешнюю — через деятельность подразделения внешних операций, включая участие в региональных конфликтах [21].

В целом, исследование подтверждает, что КСИР стал примером организации, которая одновременно выступает гарантом устойчивости режима внутри страны и источником нестабильности в международных отношениях [15; 17]. Этот дуализм определяет его ключевое значение для анализа иранской политики и международных процессов [22].

Библиография

1. Alfoneh A. *The Islamic Revolutionary Guard Corps: Ideology, Structure, and Role*. Washington: Washington Institute for Near East Policy, 2006.
2. Cordesman A. H., Kleiber M. *Iranian Military Forces in Transition*. Washington: Center for Strategic and International Studies, 2015.
3. Brumberg D., Farhi F. Power and Structure in Iran: The Role of Revolutionary Guards // *Middle East Journal*. 2012. Vol. 66. No. 4. P. 523–540.
4. Haghayeghi M. The Revolutionary Guards in Iran: Institutionalization and Function // *Iranian Studies*. 2009. Vol. 42. No. 5. P. 729–745.
5. Katzman K. *Iran's Military Capabilities: Conventional and Asymmetric*. Washington: Congressional Research Service, 2011.
6. Hunter S. *Iran's Foreign and Defense Policies*. Washington: Center for Strategic and International Studies, 2010.
7. Sciolino E. *The Outlaw State: The Story of the Iranian Revolution*. New York: Crown Publishers, 2000.
8. Gerges F. A. *The Far Enemy: Why Jihad Went Global*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
9. Byman D., Chubin S. *Iran's Security Policy in the Post-Revolutionary Era*. Santa Monica: RAND Corporation, 2001.

10. Katzman K. Iran's Economic Structure and the Revolutionary Guards. Washington: Congressional Research Service, 2014.
11. Alfoneh A. Iran Unveiled: How the Revolutionary Guards Is Transforming the Economy. Washington: Washington Institute, 2013.
12. Erdbrink T. The Guard's Influence in Iranian Politics // The New York Times. 2015.
13. Eisenstadt M., White J. Iranian Military and Political Strategy. Washington: Washington Institute, 2009.
14. Alfoneh A. The Revolutionary Guards and Infrastructure Projects in Iran // Middle East Quarterly. 2010. Vol. 17. No. 2. P. 45–54.
15. Takeyh R., Maloney S. Guardians of the Revolution: Iran's Foreign Operations. Washington: Carnegie Endowment, 2009.
16. Human Rights Watch. World Report 2016: Iran. New York: Human Rights Watch, 2016.
17. International Crisis Group. Iran: The Revolutionary Guards and State Power: Middle East Report. Brussels: International Crisis Group, 2013. No. 140.
18. Hunter S. Iran's Military and Security Institutions: Evolution and Role // Middle East Policy. 2012. Vol. 19. No. 1. P. 90–105.
19. Katzman K. Iran: Governance and Military Autonomy. Washington: Congressional Research Service, 2017.
20. Alfoneh A. Economic Networks of the Revolutionary Guards: Influence and Control. Washington: Washington Institute for Near East Policy, 2015.
21. Takeyh R., Maloney S. Iran's Regional Military Operations and Policy Impact. Washington: Carnegie Endowment, 2011.
22. International Crisis Group. Iran's Political System and the Revolutionary Guards : Middle East Report. Brussels: International Crisis Group, 2016. No. 168.

Дата поступления: 23 августа 2025 г.

Дата принятия в печать: 26 сентября 2025 г.

Tretyakov I.G.♦

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2025.80.127-135

UDC: 342(55)

The Islamic Revolutionary Guard Corps: Legal Status and Influence on State Policy in the Islamic Republic of Iran

Abstract: The article analyzes the legal status of the Islamic Revolutionary Guard Corps and its impact on Iran's politics. The purpose of the study is to study the legal grounds for the existence of the Corps, its role in power and the mechanisms of influence on domestic and foreign policy. The study is based on an analysis of constitutional and legislative acts, the structure of the Corps and its economic activity. The results show that the Corps combines the functions of an armed formation, an economic entity and a political actor. Direct influence is manifested through participation in strategic decisions and control over institutions; indirect influence is manifested through economic ac-

♦ **Tretyakov Ivan Gennadievich** - Saint Petersburg State University (Russian Federation).
Email: ivantretyak19@gmail.com

tivity and support of loyal groups. The conclusions emphasize that the complex role of the Corps allows it to significantly influence decision-making, as well as shape the internal stability and foreign policy strategy of the country. Additionally, the article examines the reasons for recognizing the IRGC as a terrorist organization by a number of states and the consequences of such a status for Iran's foreign policy and economic ties.

Keywords: political structure, military organization, legal regulation, domestic institutions, economic influence, popular forces, state policy, influence on decision-making, social loyalty.

References

1. Alfoneh A. *The Islamic Revolutionary Guard Corps: Ideology, Structure, and Role*. Washington: Washington Institute for Near East Policy, 2006.
2. Cordesman A. H., Kleiber M. *Iranian Military Forces in Transition*. Washington: Center for Strategic and International Studies, 2015.
3. Brumberg D., Farhi F. *Power and Structure in Iran: The Role of Revolutionary Guards* // *Middle East Journal*. 2012. Vol. 66. No. 4. P. 523–540.
4. Haghayeghi M. *The Revolutionary Guards in Iran: Institutionalization and Function* // *Iranian Studies*. 2009. Vol. 42. No. 5. P. 729–745.
5. Katzman K. *Iran's Military Capabilities: Conventional and Asymmetric*. Washington: Congressional Research Service, 2011.
6. Hunter S. *Iran's Foreign and Defense Policies*. Washington: Center for Strategic and International Studies, 2010.
7. Sciolino E. *The Outlaw State: The Story of the Iranian Revolution*. New York: Crown Publishers, 2000.
8. Gerges F. A. *The Far Enemy: Why Jihad Went Global*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
9. Byman D., Chubin S. *Iran's Security Policy in the Post-Revolutionary Era*. Santa Monica: RAND Corporation, 2001.
10. Katzman K. *Iran's Economic Structure and the Revolutionary Guards*. Washington: Congressional Research Service, 2014.
11. Alfoneh A. *Iran Unveiled: How the Revolutionary Guards Is Transforming the Economy*. Washington: Washington Institute, 2013.
12. Erdbrink T. *The Guard's Influence in Iranian Politics* // *The New York Times*. 2015.
13. Eisenstadt M., White J. *Iranian Military and Political Strategy*. Washington: Washington Institute, 2009.
14. Alfoneh A. *The Revolutionary Guards and Infrastructure Projects in Iran* // *Middle East Quarterly*. 2010. Vol. 17. No. 2. P. 45–54.
15. Takeyh R., Maloney S. *Guardians of the Revolution: Iran's Foreign Operations*. Washington: Carnegie Endowment, 2009.
16. Human Rights Watch. *World Report 2016: Iran*. New York: Human Rights Watch, 2016.
17. International Crisis Group. *Iran: The Revolutionary Guards and State Power*. Middle East Report. Brussels: International Crisis Group, 2013. No. 140.
18. Hunter S. *Iran's Military and Security Institutions: Evolution and Role* // *Middle East Policy*. 2012. Vol. 19. No. 1. P. 90–105.

19. Katzman K. Iran: Governance and Military Autonomy. Washington: Congressional Research Service, 2017.

20. Alfoneh A. Economic Networks of the Revolutionary Guards: Influence and Control. Washington: Washington Institute for Near East Policy, 2015.

21. Takeyh R., Maloney S. Iran's Regional Military Operations and Policy Impact. Washington: Carnegie Endowment, 2011.

22. International Crisis Group. Iran's Political System and the Revolutionary Guards : Middle East Report. Brussels: International Crisis Group, 2016. No. 168.

The article was submitted: 2025 August 23

Accepted for publication: 2025 September 26

Tretyakov I.G.*

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2025.80.127-135

UOT: 342(55)

İslam İnqilabı Keşikçiləri Korpusu: İran İslam Respublikasında hüquqi status və dövlət siyasətinə təsiri

Xülasə: Məqalədə İslam İnqilabı Keşikçiləri Korpusunun hüquqi statusu və onun İran siyasətinə təsiri təhlil edilir. Tədqiqat Korpusun mövcudluğunun hüquqi əsaslarını, onun hökumətdəki rolunu, daxili və xarici siyasətə təsir mexanizmlərini araşdırmaq məqsədi daşıyır. Tədqiqat konstitusiyaya və qanunvericilik aktlarının, korpusun strukturunun və iqtisadi fəaliyyətinin təhlilinə əsaslanır. Nəticələr göstərir ki, Korpus silahlı qüvvə, iqtisadi qurum və siyasi aktor funksiyalarını birləşdirir. Birbaşa təsir strateji qərarların qəbulunda iştirak və qurumlara nəzarət vasitəsilə həyata keçirilir; dolayısı təsir iqtisadi fəaliyyət və sadıq qruplara dəstək vasitəsilə həyata keçirilir. Nəticələr vurğulanır ki, Korpusun hərtərəfli rolu ona qərarların qəbuluna əhəmiyyətli dərəcədə təsir göstərməyə, eləcə də ölkənin daxili sabitliyini və xarici siyasət strategiyasını formalaşdırmağa imkan verir. Məqalədə həmçinin bir neçə ölkə tərəfindən SEPAH-ın terror təşkilatı tanınmasının səbəbləri və bu statusun İranın xarici siyasəti və iqtisadi əlaqələri üçün təsirləri araşdırılır.

Açar sözlər: siyasi quruluş, hərbi təşkilat, hüquqi tənzimləmə, daxili institutlar, iqtisadi təsir, xalq qüvvələri, dövlət siyasəti, qərarların qəbuluna təsir, sosial loyallıq, sanksiyalar, beynəlxalq təcrid.

Məqalə daxil olmuşdur: 23 avqust 2025-ci il

Çapa qəbul edilmişdir: 26 sentyabr 2025-ci il

* Tretyakov İvan Gennadievich - Sankt-Peterburq Dövlət Universiteti (Rusiya Federasiyası).
E-poçt: ivantretyak19@gmail.com